

— Пойдем со мной. — Фу Жунго повел племянника в подвал виллы, где были сложены многочисленные картины и книги из семейной коллекции Фу. Включив яркий свет, он начал рыться в огромном шкафу с картинами и лишь через некоторое время нашел полотно, обрамленное рамкой из наньму. Верх рамки покрылся пылью за долгие годы стояния, и Фу Жунго аккуратно стер ее белой тряпкой, после чего позвал племянника:

— Подойди, взгляни на это.

Это был портрет, выполненный в традиционной китайской технике, сочетающий в себе как тщательную проработку деталей, так и свободную манеру письма, передающую дух и настроение. На картине был изображен молодой человек лет двадцати-тридцати, чье лицо было выписано с удивительной точностью, а выражение излучало жизненную энергию.

Картина явно была создана много лет назад, и время наложило на бумагу легкий желтоватый оттенок, придавая ей нотки старинной красоты.

Мужчина на портрете спокойно сидел в плетеном кресле, одетый в традиционный костюм эпохи Китайской Республики. В одной руке он держал чайную чашку, а в другой — крышку. Мягкими мазками туши было создано ощущение, будто из картины исходит аромат пуэрского чая.

Он не улыбался, но мягкое выражение его лица передавало ощущение внутреннего спокойствия и радости, словно он был подобен гладкому и теплому нефриту, чей блеск то скрывался, то вспыхивал вновь.

Фу Жунго показал эту картину Фу Тинсиню, потому что узоры на одежде мужчины были выполнены темно-коричневыми линиями, и техника их исполнения оказалась поразительно схожей с теми хаотичными линиями, которые Фу Тинсинь видел на своих эскизах. Единственное отличие заключалось в том, что узоры на одежде были выполнены тонкой кистью, с изящными переходами и изгибами, словно живые вьющиеся растения, тогда как линии на копировальной бумаге выглядели более грубыми и неуверенными.

— Кто это... — пробормотал Фу Тинсинь, — ...кто нарисовал?

Его взгляд скользил по картине в поисках печати или подписи, но в нижнем правом углу рамки он увидел лишь аккуратно вырезанные английские буквы: SHOTRAY.

Фу Жунго объяснил:

— Это работа шестнадцатилетнего юноши, написанная тридцать лет назад. Мужчина на картине — его отец, Ся Цзыцинь.

Фу Тинсинь с изумлением пробормотал:

— Шестнадцать лет...

— Да, его звали Ся Сяочуань, Shotray — это его английское имя. Он родился в известной семье интеллектуалов. Его отец, Ся Цзыцинь, был знаменитым художником и скульптором, а мать, Сун Юэ, — музыкантом. Сам он уже в четырнадцать лет был признанным гением в мире искусства, — Фу Жунго взглянул на племянника и улыбнулся, — Он был намного талантливее тебя.

Фу Тинсиню не нужно было напоминание, чтобы ощутить разницу между собой и этим

человеком. Времена меняются, и вкусы каждого поколения тоже, но в глазах Фу Тинсиня мужчина на картине казался невероятно красивым.

— Он тоже был художником? — спросил Фу Тинсинь.

— Он также мастерски владел скульптурой и керамикой, играл на фортепиано и скрипке, — ответил Фу Жунго.

Фу Тинсинь молчал.

Фу Жунго глубоко вздохнул:

— К сожалению, судьба была к нему несправедлива, талантливых людей часто постигает такая участь...

Фу Тинсинь широко раскрыл глаза:

— Что с ним случилось?

— Его родители погибли в хаосе, который произошел двадцать с лишним лет назад, — Фу Жунго покачал головой, не желая углубляться в тяжелые воспоминания, — Ся Сяочуань в то время учился за границей, а когда вернулся, исчез с радаров. Его работы больше не появлялись на рынке, и через несколько лет стало известно, что он умер от болезни. Но об этом знали лишь немногие, многие из тех времен считали, что он просто не вернулся из-за границы.

Невыразимое чувство сожаления и печали охватило Фу Тинсиня:

— Он уже умер...

Фу Жунго, глядя рамку картины, сказал:

— В те времена наши семьи были близки. Когда это произошло, твой дед поспешил в дом Ся, но нашел лишь руины. Эту картину спас один из слуг семьи Ся, и, возможно, это единственное сохранившееся произведение кого-то из этой семьи.

Фу Тинсинь невольно высказал мысль:

— Наверное, она стоит целое состояние.

Фу Жунго на мгновение замолчал, затем серьезно произнес:

— Тинсинь, запомни, мы занимаемся искусством не ради денег.

Не ради денег? В этот момент Фу Тинсинь почувствовал легкое замешательство.

Ведь все работы, созданные членами семьи Фу, продавались за деньги, особенно ценились картины его деда, за которые люди готовы были платить огромные суммы. Его отец, Фу Сянь, тоже получал оплату за каждый проект, и все было прозрачно. Даже он сам получал признание за то, что его работы продавались по высоким ценам!

Несколько дней назад дед даже посоветовал ему подружиться с Гуань Хунцзэ, и намек был очевиден. Художники и торговцы искусством всегда были тесно связаны, и семья Фу, будучи династией художников, а семья Гуань — известными торговцами искусством. Если семья Фу

занимается искусством не ради денег, то ради чего? Развлечения публики? Фу Тинсиню это показалось смешным.

— Мы занимаемся искусством ради самого искусства, — многозначительно произнес Фу Жунго.

Находясь на своем посту, он, хотя и был вынужден многими обстоятельствами, всегда напоминал себе, что если он не будет бдительным, то столетнее наследие семьи Фу может рухнуть в одночасье. Он не стал объяснять племяннику, понимает ли тот его слова, но в его глазах следующим представителем семьи Фу был именно этот молодой человек, чьи крылья только начали крепнуть.

После того как Фу Жунго ушел, Фу Тинсинь долго оставался в подвале, сравнивая портрет Ся Цзыциня с теми копировальными листами, которые он нашел. В глубине души зародилось странное чувство, которое он не мог объяснить.

Эти зимние каникулы, возможно, были самыми спокойными в жизни Е Юйфана. Не нужно было делать домашние задания, ходить на дополнительные занятия, готовиться к шести-семи предметам или думать о начале учебного года после праздников.

Сейчас Е Юйфань просыпался, когда хотел, и проводил время с Цзян Бином, хотя ничего особо полезного они не делали. Однако нельзя было отрицать, что его психическое состояние значительно улучшилось, и даже родители заметили, что он выглядит лучше, чем раньше.

Во время праздника Весны все дети получали больше денег, чем обычно. Члены Братства Ледяного Дождя, получив свои подарочные деньги на Новый год, собирались вместе, чтобы поесть, выпить и повеселиться.

Родственники Е Юйфана, узнав, что он взял академический отпуск из-за болезни, дали ему больше денег, чем обычно. Но он не успел их как следует подержать в руках, как Цзян Бин их заметил!

Цзян Бин, пересчитывая пачку денег Е Юйфана, не мог сдержать улыбки:

— Ты настоящий молодой господин, ходишь с такими деньгами и не боишься, что тебя ограбят!

Грабитель был прямо перед ним, и Е Юйфань, возмущенно глядя на него, сказал:

— Верни.

Цзян Бин, с усмешкой взглянув на него, ответил:

— Деньги, попавшие ко мне, уже не вернутся.

Е Юйфань раздраженно произнес:

— Ты берешь плату за защиту, но должен быть какой-то предел.

Цзян Бин:

— Что, не нравится?

Е Юйфань посмотрел на него, в его глазах мелькнул вызов. На этот раз он не хотел сдаваться.

Цзян Бин сунул деньги в карман и, подмигнув, бросил вызов:

— Давай.

Е Юйфань, не раздумывая, замахнулся и ударил Цзян Бина в лицо, но тот легко поймал его запястье. Затем Е Юйфань попытался ударить левой рукой, но и она была схвачена!

Цзян Бин усмехнулся:

— Хочешь подраться? Ты еще зелен.

За годы, что он был главным, он выработал свою систему сбора «платы за защиту»: брать слишком много — несправедливо по отношению к подчиненным, это портит атмосферу в группе; брать слишком мало — подчиненные воспринимают это как подачку, что унижает статус лидера. Нужно брать семь-восемь процентов от их карманных денег, чтобы им было немного больно, но они могли смириться. Видимо, те двести юаней, которые он взял у Е Юйфана ранее, были слишком малы, и только тысяча заставила его почувствовать боль.

— Отпусти! — Е Юйфань с яростью смотрел на Цзян Бина, его черные глаза, казалось, готовы были выпустить стрелы.

Цзян Бину это показалось забавным, он впервые видел, как Е Юйфань злится!

С тех пор как они познакомились, Е Юйфань всегда умел вывести Цзян Бина из себя парой фраз. Хотя он был подчиненным, он вел себя высокомерно; хотя он был младше, он казался более зрелым, чем кто-либо; хотя он был еще зеленым юнцом, он выглядел так, будто пережил все трагедии мира... и это раздражало Цзян Бина больше всего!

Но теперь, злясь, он выглядел совсем неплохо!

Цзян Бин подтянул его ближе, сократив расстояние между ними до кулака. Его взгляд, подобный волчьему, пристально следил за лицом Е Юйфана, и, заметив в его глазах проблеск отступления, он почувствовал, как в его крови активизировались агрессивные инстинкты.

Авторское примечание: Мини-справка о терминах в китайской живописи — «гунби» и «сеи»:

Гунби: Реалистичный стиль.

Сеи: В отличие от гунби, фокусируется на передаче духа и настроения, форма упрощена, но смысл глубок.

P.S. В тексте затронуты деликатные темы, подробности опущены, просьба додумать самостоятельно.

<http://bllate.org/book/16335/1474850>